

ЕЛЕНА ПЕРВУШИНА

ИСТОРИИ О МУЗАХ И ЖЕНАХ
РУССКИХ ПОЭТОВ
И ПИСАТЕЛЕЙ

РАДОСТИ
И ПЕРЕЖИВАНИЯ,
ИСПЫТАНИЯ И ТРАГЕДИИ...

ЛЮБОВЬ В СЕРЕБРЯНОМ ВЕКЕ

Елена Первушина

**Любовь в Серебряном веке.
Истории о музах и женах
русских поэтов и писателей.
Радости и переживания,
испытания и трагедии...**

«Центрполиграф»

2021

УДК 94(470.23-25)

ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

Первушина Е. В.

Любовь в Серебряном веке. Истории о музах и женах русских поэтов и писателей. Радости и переживания, испытания и трагедии... / Е. В. Первушина — «Центрполиграф», 2021

ISBN 978-5-227-09726-2

К моменту зарождения культуры Серебряного века стране только предстояло пережить Кровавое воскресенье и ужасы Первой мировой. Но предчувствие беды уже зрело. Было ясно, что прежняя жизнь продолжаться не может. И поэзия, музыка, живопись, как натянутые струны, резонировали с этой дрожью... Географические рамки Серебряного века узки — в основном это Москва и Петербург. Большинство поэтов и поэтесс были знакомы и стремились увидаться. И, разумеется, они писали друг другу стихи, и эти стихи лучше всего представляют эпоху. Поэтому они оказались так важны на переломе времен. Проза очерчивает проблемы, поэзия помогает их пережить. Потому что только она может позволить себе обращаться к «голым» эмоциям. Предыдущая эпоха — время «больших» романов Тургенева, Толстого. Теперь романисты уже не успевали за временем. Веку была необходима скорая помощь — стихи! Любовь и смерть — вечные темы для поэзии. Писать и читать о смерти тяжело, но, не помня об этой теме, нависшей над каждым домом, мы не поймем экзальтации людей Серебряного века и их стремления к иной жизни, в царство идей, где людей не преследуют искушения плоти. И не поймем их иступленной любви друг к другу, к близким по духу, к ближним — в самом буквальном и обыденном смысле этого слова. В мифах Музы не только вдохновляют поэтов, они и сами поют гимны, прославляя героев. В Серебряном веке Музы часто сами творцы. Теперь поэт мог получить от дамы сердца не только цветок, но и сонет, а нерадивый любовник мог быть осмеян и прилюдно припечатан едкими ямбами. И это делало любовные отношения по-настоящему сложными и захватывающими. В формате PDF A4 сохранен издательский макет книги.

УДК 94(470.23-25)
ББК 63.3(2-2 Санкт-Петербург)

ISBN 978-5-227-09726-2

© Первушина Е. В., 2021
© Центрполиграф, 2021

Содержание

Предисловие	7
Глава 1	18
Бесплодные усилия любви	18
Сквозь волшебный лес	20
Ее корни	22
Его корни	27
Маски. Гамлет и Дон Жуан	34
Стихи о Прекрасной Даме	38
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Елена Владимировна Первушина
Любовь в Серебряном веке
Истории о музах и женах
русских поэтов и писателей
Радости и переживания,
испытания и трагедии...

Радости и переживания, испытания и трагедии...

*Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал – забавницу,*

*Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.
Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорищится,*

*А выйдет луна – затомится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться...*

© Первушина Е.В., 2021

© «Центрполиграф», 2021

Предисловие

Как любили в Серебряном веке?

«Официально» Серебряный век русской поэзии очень короткий и продолжался всего 30, максимум 40 лет – с 1890-х годов по 1920–1930-е. Почему именно в это время была создана такая яркая и необычная поэзия, и шире – такая своеобразная, ни на что не похожая культура?

Хочется написать, что этот период стал для русской истории особенно сложным, критичным, переломным. И это будет совершенно справедливо... ровно до тех пор, пока мы не задумаемся, какой именно период в русской истории можно назвать простым и бесконфликтным.

И все-таки конец XIX века многим русским запомнился как особенно тяжелое и беспокойное время. В 1881 году, за десять лет до «официального» начала Серебряного века, Россию потрясло убийство императора Александра II. Не просто цареубийство, убийство царя-реформатора, «красного» царя, как называли его консерваторы. Но вовсе не они бросили в императора бомбу. Это сделали радикалы, уже ставшие из стихийных бунтарей профессиональными революционерами и утверждавшие, что говорят от имени народа (не случайно они назвали свою организацию «Народная воля»).

В России царей убивали и раньше. Но речь прежде шла о «конflikтах внутри семьи», о том, чтобы захватить власть (убийство Екатериной своего мужа – Петра III), или удержаться у власти (убийство той же Екатериной Ивана Антоновича). Либо дворянская элита сажала на престол своего кандидата (снова переворот Екатерины и убийство гвардией ее сына Павла). Но с тех пор, как закончился решительный XVIII век и наступил гуманный XIX, нравы смягчились. Декабристы не знали, как поступить после победы с императором и его семьей. Члены Северного общества говорили на следствии, что начали восстание для того, чтобы... опередить Пестеля, который шел на Петербург с намерением казнить всю императорскую семью. Не понятно, сколько тут правды, а сколько – желания умалить свою вину, но сейчас это несущественно. И если восстание декабристов показывало, что доверие между императорской семьей и «служилым дворянством» нарушено, то «охота на царя», которую устроили народовольцы показала, что раскол существует уже внутри всего общества.

Какие же претензии имели народовольцы к «красному» монарху? Это ему объяснил уже первый из покушавшихся, Каракозов¹. Легенда гласит, что сразу посла выстрела Александр подошел к схваченному Каракозову и спросил его: «Ты поляк?» – «Я русский!» – ответил заговорщик, и добавил, объясняя причины своего поступка: – Ваше Величество, вы обидели крестьян!». Под «обидой» народовольцы подразумевали то, что крестьян освободили без земли. Дома, постройки, все движимое имущество крестьян признали их личной собственностью, но помещики сохраняли собственность на все принадлежавшие им земли, и за пользование надельной землей крестьяне должны были отбывать барщину или платить оброк и не имели

¹ Каракозов являлся членом революционного общества под названием «Организация» – предшественника «Народной воли», созданного в сентябре 1863 года в Москве Николаем Андреевичем Ишутинным для подготовки крестьянской революции с помощью соглашения между интеллигенцией.

права отказаться от нее в течение 49 лет, либо выкупать землю, либо, пользуясь своей личной свободой, уйти из крестьянской общины и искать работу в городе. Разумеется, работа только низкоквалифицированная, условия жизни в городах – ужасны, без всяких преувеличений, а механизмы социальной защиты находились еще только в зачаточном состоянии. Условия работы на заводах тяжелые, особенно для женщин и детей. Так что эта мысль, что «государство обидело крестьян», «царь обидел крестьян», вероятно, приходила в голову не одному Каракозову.

Можно объяснить это во многих словах, привести данные статистики, выдержки из воспоминаний и убедить читателей на основе фактов и логики. А можно написать стихи:

В соседнем доме окна желты.
По вечерам – по вечерам
Скрипят задумчивые болты,
Подходят люди к воротам.
И глухо заперты ворота,
А на стене – а на стене
Недвижный кто-то, черный кто-то
Людей считает в тишине.
Я слышу все с моей вершины:
Он медным голосом зовет
Согнуть измученные спины
Внизу собравшийся народ.
Они войдут и разбредутся,
Навалят на спины кули.
И в желтых окнах засмеются,
Что этих нищих провели².

Здесь нет ни цифр, ни фактов, только мутные петербургские сумерки, темные силуэты рабочих, идущих на ночную смену, резкий желтый электрический свет из окон фабричной конторы и ощущение тревоги и безнадежности, с которым жила Россия Серебряного века. Именно так работает поэзия, она не убеждает, не спорит, а разговаривает с читателями на уровне ощущений, на уровне эмоций. Если эти эмоции резонируют в вас, стихи вам нравятся, если нет – кажутся глупыми и бессмысленными. Как незнакомый язык может показаться просто набором звуков, а последовательность длинных и коротких гудков кажется бессмысленной тому, кто не знает азбуки Морзе. Поэзия (и шире – художественная литература) – это всегда совместное творчество автора и читателя.

Александр III стал наследником в 1865 году, когда от чахотки скончался его старший брат, по сути, он вступал на престол, как на Голгофу, «орошенный слезами, поникнув головой, посреди ужаса народного, посреди шипения кипящей злобы и крамолы». Эти слова сказал его ближайший друг и наставник Константин Петрович Победоносцев. Вероятно, как только вы прочли это имя, в вашей голове зазвучали строки, также написанные Александром Блоком:

В те годы дальние, глухие,
В сердцах царили сон и мгла:
Победоносцев над Россией
Простер совиные крыла,
И не было ни дня, ни ночи

² А. Блок. «Фабрика». 1903 год.

А только – тень огромных крыл;
Он дивным кругом очертил
Россию, заглянув ей в очи
Стеклянным взором колдуна;
Под умный говор сказки чудной
Уснуть красавице не трудно, —
И затуманилась она,
Заспав надежды, думы, страсти...
Но и под игом темных чар
Ланиты красил ей загар:
И у волшебника во власти
Она казалась полной сил,
Которые рукой железной
Зажаты в узел бесполезный...
Колдун одной рукой кадил,
И стружкой синей и кудрявой
Курился росный ладан... Но —
Он клал другой рукой костлявой
Живые души под сукно.

И снова переданные ощущения поэтом верны. Годы правления Александра III (1881–1894, т. е. перед самым началом Серебряного века) – это годы жесточайшей политической реакции, что вполне объяснимо и ожидаемо. Когда Александр II уезжал из Михайловского дворца перед очередным покушением, ставшим для него роковым, он сказал младшему брату Михаилу на прощание: «Я не скрываю от себя, что мы идем к конституции». Александр подразумевал конституционный проект, который готовил министр внутренних дел Михаил Тариелович Лорис-Меликов. Александр III немедленно отправил Лорис-Меликова в отставку и пишет на его докладе: «Слава Богу, этот преступный и спешный шаг к Конституции не был сделан, и весь этот фантастический проект был отвергнут в Совете Министров весьма незначительным меньшинством». И через три года «совинокрылый» Победоносцев писал императору: «Ныне оно уже дискредитировано всюду, но всюду ложь эта вьелась, и народы, уже не в силах он нее освободиться, идут навстречу судьбе своей... Как же безумны, как же ослеплены были те, quasi-государственные русские люди, которые задумали обновить будто бы Россию, и вывести правительство из смуты и крамолы, посредством учреждения какой-то палаты представителей!.. Как были легкомысленны те, которые были готовы уступить им и принять сочиненный рецепт. Кровь стынет в жилах у русского человека при одной мысли о том, что произошло бы от осуществления проекта графа Лорис-Меликова и друзей его... Болит моя душа, когда вижу и слышу, что люди, власть имущие, но, видно, не имущие русского разума и русского сердца, шепчутся еще о конституции. Пусть они иногда еще подозрительно на меня озираются, как на заведомого противника этой роковой фантазии. Я жив еще и не затворяю уст своих, но когда придется мне умирать, я умру с утешением, если умру с убеждением, что ваше величество стоите твердо на страже истины, и не опустите того знамени единой власти, в котором единственный залог правды для России. Вот где правда, а там – ложь, роковая ложь для судеб России».

Конституция должна была гарантировать гражданские свободы, в том числе и свободу печати, и естественно, Александр III не мог этого допустить. Уже в 1882 году при активном участии Победоносцева образовано совещание четырех министров, которое имело право наложить административный запрет на любой печатный орган. За следующие три года закрыли девять периодических изданий, и среди них знаменитые «Голос» и «Отечественные записки».

Издан список запрещенных книг, подлежащих изъятию из народных библиотек. Политическая цензура прочно угнездилась в университетах.

В 1890 году писательница и педагог Мария Константиновна Цебрикова писала Александру III: «Законы моего отечества карают за свободное слово. Все, что есть честного в России, обречено видеть торжествующий произвол чиновничества, гонение на мысль, нравственное и физическое избиение молодых поколений, бесправие обираемого и засекаемого народа – и молчать. Свобода – существенная потребность общества, и рано ли, поздно ли, но неизбежно придет час, когда мера терпения переполнится и переросшие опеку граждане заговорят громким и смелым словом совершеннолетия – и власти придется уступить...».

Но одновременно это и годы экономического подъема. Александр III не собирался повторять ошибок не только своего отца, но и своего деда, он понимал, что экономически отсталая Россия станет легкой добычей для европейских стран. И в его царствование Россию ждал настоящий экономический бум. Когда он вступил на престол, в сберегательных кассах хранилось в общей сумме 10 000 000 рублей, а когда он умер, эта цифра возросла до 330 000 000 000. Европейскую часть России покрыла сеть железных дорог, началось строительство Транссибирской магистрали. По всей стране вырастали новые заводы, развивались угольные шахты Донбасса, нефтяные промыслы Баку.

Александр III проводил свои реформы для того, чтобы Россия стала конкурентоспособной с европейскими странами. При этом он ни явно, ни тайно не ставил своей целью повести страну по капиталистическому пути развития. Капитализм, власть капитала, означает «власть буржуа», а Александр вовсе не собирался делиться экономической властью, особенно с «третьим сословием»: он помнил о «Европейской весне»³ и не желал ее повторения на родине.

Но по мере того, как росло благосостояние купцов, ремесленников и прочих членов «третьего сословия» Российской империи, росло и их желание оказывать влияние на внутривнутриполитический курс страны, участвовать в ее управлении. Понимал ли Александр этот парадокс, понимал ли, что сам закладывает бомбу под то здание самодержавия, которое он всю жизнь старательно укреплял? Нам известно только, что решать эту проблему он оставил сыну. И эта проблема была далеко не единственной.

Слабую готовность государства справляться с трудностями показал голод в 1891–1893 годы, охвативший 16 губерний Европейской России и Тобольскую губернию в Сибири с общим населением 35 миллионов человек. «Эпидемия голода», хоть и в меньших масштабах, повторилась в 1901–1902 и 1905–1908 годах.

Условия труда на заводах и фабриках были жесткими. В начале XX века рабочий день официально мог составлять 12 часов. Малолетние (с 10–12 лет) работают с восьми утра до полудня, и с часу дня до пяти вечера. Официально выходной только один день – воскресенье, в субботу и перед праздниками сокращенный рабочий день до шести часов. Рабочие снимали «углы» в комнатах, на каждой кровати часто спали по очереди два взрослых человека, а иногда еще и несколько детей.

При Николае II Россия вновь вернулась к обсуждению конституционного проекта и создания парламента. Эта тема стала больной для Николая II. После того, как правительство «продавило» созыв Первой Государственной думы, император с горечью спрашивал, может ли он, как раньше, носить титул «самодержец» и со слезами на глазах обещал своей родне распустить Думу при первом же удобном случае⁴. Случай не заставил себя ждать. Первое заседание Государственной думы состоялось 27 апреля (10 мая) 1906 года в Таврическом дворце, она проработала всего 72 дня и была распущена. Вторая дума, еще более радикальная, чем первая, просуществовала немногим дольше – три с половиной месяца, и закрылась со скандалом –

³ Европейская весна, весна народов – серия буржуазных революций в странах Европы в 1848–1849 годах.

⁴ См.: Воспоминания Великого князя Гавриила Константиновича «В Мраморном дворце».

премьер-министр Столыпин обвинил 55 депутатов в заговоре против царской семьи. Последующие Думы смогли оценить границы своих полномочий, им удавалось дорабатывать полный срок. Столыпин оставался ярким сторонником парламентаризма, но ему раз за разом приходилось вступать в противоборство с Думой ради проведения реформ. Возможно, звездный час Думы наступил в феврале 1917 года, но он же оказался и ее лебединой песней. Нет нужды рассказывать о том, что за этими днями последовало время великих расколов, размежеваний, непримиримых противостояний, великих надежд и великих иллюзий. Все конфликты, заложенные в течение XIX века, а может быть, и раньше, предельно обострились. Но то, что наступило следом, не было долгожданным «дивным новым миром», это все тот же старый мир, со старыми проблемами и старой враждой, только принявший новое обличье.

Казалось бы, все изложенное выше имеет мало отношения к истории культуры. Но культура (в том числе) является реакцией общества и отдельных людей на происходящие катаклизмы. Когда-то, что случается, невозможно осмыслить и осознать «напрямую», она приходит на помощь. В 1890 году, в момент зарождения культуры Серебряного века, никаких «явных» катастроф в обществе еще не происходило. Стране еще только предстояло пережить Кровавое воскресенье, Первую русскую революцию, позор Цусимы, ужасы Первой мировой войны. Но в обществе подспудно, уже ощутимо, зрело напряжение, некая внутренняя дрожь, предчувствие беды.

Было ясно, что прежняя жизнь не может продолжаться, что она скоро должна закончиться, хотя непонятно, что наступит позже. И поэзия, музыка, живопись, театральное искусство, как натянутые струны, резонировали с этой дрожью.

Географические рамки Серебряного века тоже достаточно узки – в основном это «две столицы» – Москва и Петербург, немного Крым, немного – средняя полоса России. Большинство поэтов и поэтесс знали друг друга лично, причем достаточно близко, некоторые были знакомы по публикациям, по переписке, но всегда стремились встретиться, увидеться, сблизиться. И разумеется, они писали стихи друг другу, часто и много и, наверное, эти стихи лучше всего представляют их самих и их эпоху.

Возможно, самыми известными из них являются два стихотворения, которыми обменялись после личного знакомства Александр Блок и Анна Ахматова.

Впервые Блок – уже хорошо известный и всеми любимый поэт, и 22-летняя Анна Горенко, совсем недавно вышедшая замуж за Николая Гумилева и взявшая псевдоним «Ахматова», встретились 22 апреля 1911 года, когда Ахматова читала свои стихи в «Академии», заседавшей в помещении редакции «Аполлона» (Мойка, 24). Полвека спустя Ахматова записала в рабочей тетради: «Блок. <...> Первое знакомство (Академия) стиха, вероятно, апрель 1911 г.».

В его квартиру на набережной Пряжки Анна Андреевна пришла в январе 1914 года, и на следующий день написала стихи:

Я пришла к поэту в гости.
Ровно полдень. Воскресенье.
Тихо в комнате просторной,
А за окнами мороз.

И малиновое солнце
Над лохматым сизым дымом...
Как хозяин молчаливый
Ясно смотрит на меня!

У него глаза такие,

Что запомнить каждый должен,
Мне же лучше, осторожной,
В них и вовсе не глядеть.

Но запомнится беседа,
Дымный полдень, воскресенья
В доме сером и высоком
У морских ворот Невы.

Блок, восхитившийся красотой поэтессы (но довольно прохладно отнесшийся к ее творчеству), написал в ответ такие строки:

«Красота страшна» – Вам скажут, —
Вы накинете лениво
Шаль испанскую на плечи,
Красный розан – в волосах.

«Красота проста» – Вам скажут, —
Пестрой шалью неумело
Вы укроете ребенка,
Красный розан – на полу.

Но, рассеянно внимая
Всем словам, кругом звучащим,
Вы задумаетесь грустно
И твердите про себя:

«Не страшна и не проста я;
Я не так страшна, чтоб просто
Убивать, не так проста я,
Чтоб не знать, как жизнь страшна».

Разумеется, это не единственный обмен посланиями в истории Серебряного века. В апреле 1918 года Зинаида Гиппиус писала Блоку:

Все это было, кажется в последний,
В последний вечер, в вешний час...
И плакала безумная в передней,
О чем-то умоляя нас.

Потом сидели мы под лампой блеклой,
Что золотила тонкий дым,
А поздние распахнутые стекла
Отсвечивали голубым.

Ты, выйдя, задержался у решетки,
Я говорил с тобою из окна.
И ветви юные чертились четко
На небе – зеленой вина.

Прямая улица была пустынна,
И ты ушел – в нее, туда...

Я не прощу. Душа твоя невинна.
Я не прощу ей – никогда.

И Блок ответил, правда, не конкретно на это стихотворение, а на сборник, с говорящим названием «Последние стихи», присланный ему в начале июня 1918 года:

Женщина, безумная горячка!
Мне понятен каждый ваш намек,
Белая весенняя горячка
Всеми гневаами звенящих строк!

Все слова – как ненависти жала,
Все слова – как колющая сталь!
Ядом напоенного кинжала
Лезвие целую, глядя в даль...

Но в дали я вижу – море, море,
Исполинский очерк новых стран,
Голос ваш не слышу в грозном хоре,
Где гудит и воет ураган!

Страшно, сладко, неизбежно, надо
Мне – бросаться в многопенный вал,
Вам – зеленоглазою наядой
Петь, плескаться у ирландских скал.

Высоко – над нами – над волнами, —
Как заря над черными скалами —
Веет знамя – Интернационал!

И в этих стихах, как в двух зеркалах, отразился не только их конфликт, но и трещина, которая внезапно пролегла через всю эпоху, и по сравнению с которой разногласия между символистами и акмеистами казались детской игрой в шарады.

Но, разумеется, были и более камерные диалоги. Поэты признавались друг другу в любви, флиртовали, ревновали, высказывали упреки, мирились.

В 1911 году Гумилев писал Ахматовой:

Из логова змиева,
Из города Киева,
Я взял не жену, а колдунью.
А думал – забавницу,
Гадал – своенравницу,
Веселую птицу-певунью.
Покликаешь – морщится,
Обнимешь – топорщится,

А выйдет луна – затамится,
И смотрит, и стонет,
Как будто хоронит
Кого-то, – и хочет топиться...

А Ахматова, в свою очередь, отвечала мужу, упрекая его без упреков за отъезд в Африку:

Он любил три вещи на свете:
За вечерней пенью, белых павлинов
И стертые карты Америки.
Не любил, когда плачут дети,
Не любил чая с малиной
И женской истерики
...А я была его женой.

Волошин и Мандельштам писали стихи Цветаевой, Цветаева – Мандельштаму, а еще – Блоку, Пастернаку, Волошину и Ахматовой. Ахматова – Цветаевой, Мандельштаму и Пастернаку. Пастернак – Ахматовой и Цветаевой. Ахматова и Цветаева – Маяковскому. Поэтесса Ирина Одоевцева – Гумилеву (сразу после отъезда из России в 1923 году, показывая, что смерть адресата не всегда прерывает переписку). Маяковский – Есенину (еще один пример посмертного диалога). Если написать все эти фамилии по кругу и соединить их линиями – стихами, то получится звезда – один из любимых символов символистов (простите за невольный оксюморон). Или более современный образ – сеть обмена информацией, Всемирная паутина, объединяющая поэтов, живших в одну эпоху и на одном пространстве. В строках, не вошедших в основной текст «Поэмы без героя», Ахматова пыталась описать подобный разговор, одновременно общий – всех со всеми, и личный, интимный – каждого с каждым:

«Уверяю, это не ново...
Вы дитя, синьор Казанова...»
«На Исакьевский ровно в шесть...»
«Как-нибудь побредем по мраку,
Мы отсюда еще в «Собаку»...⁵
«Вы отсюда куда?» —
«Бог весть!»

Почему же стихи оказались так важны на переломе эпох?

Проза очерчивает проблемы и конфликты, философия их очищает и осмысляет, поэзия помогает их пережить. Потому что только она может позволить себе обращаться к «голым» эмоциям.

Предыдущая эпоха – время «больших» реалистических романов Тургенева, Гончарова, Толстого, Достоевского. Теперь романисты уже не успевали за быстро меняющимся временем. Веку была необходима скорая помощь – стихи.

Любовь и смерть – вечные темы для поэзии. И даже в конце XIX века, в сравнительно мирное и «вегетарианское» время, еще до всех потрясений: революции 1905 года, Русско-японской и Первой мировой войны, смерть, грубая повседневная реальность, с которой человек

⁵ Имеется в виду артистическое кафе, или арт-подвал, «Бродячая собака», которое действовало с 31 декабря 1911 по 3 марта 1915 года в доме № 5 по Михайловской площади Петрограда. В названии обыгран образ художника как бесприютного пса.

мог столкнуться в любом возрасте, от которой не защищало ни высокое положение, ни деньги, ни проживание в столице бок о бок с лучшими, самыми передовыми учеными-медиками и медицинскими учреждениями.

Писать об этом тяжело, читать тоже, но, не помня об этой почти материальной черной теме, нависшей над каждой колыбелью, над каждым брачным ложем, мы не поймем экзальтации людей Серебряного века, их стремления к иной, лучшей жизни. В царство идей, где людей не преследуют искушения плоти, страх смерти. И не поймем их иступленной любви друг к другу, к близким по духу, к ближним – в самом буквальном и обыденном смысле этого слова.

Первая жена Вячеслава Иванова Лидия Дмитриевна Зиновьева-Аннибал умерла от скарлатины в возрасте 41 года, в 32 года – от тромбоза Варвара Дмитриевна Илловайская, первая жена Ивана Владимировича Цветаева, отца Марины Цветаевой. Ее единокровные брат и сестра – Надя и Сережа – скончались в двадцать два года и в двадцать лет, видимо, от туберкулеза. Цветаева писала в биографическом очерке «Дом у старого Пимена»: «Наде... бог послал тяжелую смерть. Не надо научных слов для такой вечной вещи, как смерть молодой красавицы. Как бы ни назывались сопутствующие ее болезни явления – муки были ужасные, и ни один врач ее от них не избавил. Умирала она тяжелее брата еще и потому, что хотела жить. Не о непотыдной безболезненной кончине живота молила, а о жизни – какой бы то ни было – только жить! Что может быть жестче такой Нади, из горячей постели горячей рукой тайком передающей монашке деньги, чтобы молилась о ее здравии по всем монастырям Москвы». Причем, их отец – историк Дмитрий Иванович Иловайский, автор детского учебника, многократно осмеянного во «Всемирной Истории Сатириконе» Татьяной Тэффи, Аркадием Аверченко, И.Л. Оршером и Осипом Дымовым, прожил почти 90 лет.

Владимир Константинович Маяковский, отец поэта, умер в 49 лет от заражения крови, после того как уколол палец иголкой, сшивая бумаги. С тех пор Маяковский терпеть не мог булавок и заколок, мыл фрукты по два раза кипяченой водой и смертельно боялся любой инфекции. Правда, дело происходило в провинциальном Кутаиси.

Но в столице после внутриутробной гибели ребенка от инфекции умерла Антонина, старшая сестра Елизаветы Дмитриевой, а на следующий день муж Антонины покончил с собой. Отец обеих девочек тоже скончался рано, от туберкулеза – завсегда петербургских трущоб и двorcов. Сама Елизавета в юности болела костным туберкулезом, отчего на всю жизнь осталась хромой и прожила всего 41 год. Из туберкулезного санатория Халила под Петербургом она писала Волошину: «Здесь только чахоточные, все они видят и знают близость смерти. Про нее здесь только и говорят. Никто не смеется. Говорят тихо и ночью все кашляют и стонут... Здесь не только ждут смерти, здесь еще и плачут о жизни, и она сюда приходит, принимая странные, едкие формы. И от невозможности восприятия ее плачут целые ночи, нужно долго гладить руки и говорить печальные слова о Радости, чтобы перестали. И то ненадолго. Но во мне самой наряду с тоской есть Радость, я могу слушать жизнь и мне не так трудно».

Только подумайте! В домах уже горело электрическое освещение, по улицам ходили трамваи, начали работать первые синаматографы, а люди по-прежнему умирали от любой инфекции, от любой случайности, и спасти, уберечь их не было никакой возможности. Возможно, именно этим объясняется тот странный для нас феномен, что поэтессы Серебряного века раз за разом придумывали себе несуществующих детей и потом описывали их смерть. Может быть, никогда не существовавшая Вероника Елизаветы Дмитриевой – Черубины де Габриак – чью смерть она оплакивает в стихах – это дочь ее сестры, которой так и не суждено было родиться и прожить хотя бы короткую жизнь? А может быть, это воспоминание о выкидыше самой Дмитриевой?

Именно этим ясным и конкретным сознанием, что все смертно, причем «смертно внезапно», можно объяснить популярность в ту эпоху *ménage à trois* – «брака втроем». Видимо, речь о сексуальных экспериментах в таких браках шла редко, во всяком случае реже, чем

утверждает молва. Чаще имела место обычная «последовательная моногамия» – мужчина и женщина любили друг друга, потом разлюбили, расстались, кто-то из них вступил в новые отношения, но дружба и привязанность друг к другу остались. Новый партнер или партнерша не ревнуют к прошлому, напротив, «бывший» и «нынешний», или «бывшая» и «нынешняя» подружились или были друзьями раньше, у них общие интересы, общее дело, и они живут втроем. Делят на троих бытовые трудности, которые с каждым годом все возрастают. В 1917–1920 годах, когда привычная инфраструктура разрушается, Петербург и Москву посещают голод и эпидемии, такое «совместное домохозяйство» может стать залогом выживания. Втроем легче обогреться, легче прокормиться, объединив три пайка и скудные запасы, есть кому ухаживать за больными, пока кто-то другой работает, и так далее. И, конечно, уважение друг к другу, восхищение друг другом. Да и как было не восхищаться, как не уважать! Ведь все они, даже ставшие заклятыми врагами, когда-то были друзьями, все чертовски талантливы и образованы, чтобы оценить друг друга по достоинству. Конечно, были в их жизни и сказанные сгоряча несправедливые упреки, а иногда и справедливые, ссоры из-за пустяков, и иногда и не из-за пустяков, грязные сплетни, клевета, обвинения, но чем дальше, тем мрачнее становилась окружающая их действительность, они теряли друзей и любимых, и волей-неволей сплывали, хотя бы только в воспоминаниях.

Дмитрий Мережковский сделал лейтмотивом романа «Воскресшие Боги. Леонардо да Винчи» строки, написанные когда-то Лоренцо Великолепным, банкиром и политиком из семьи Медичи, некоронованным королем Флоренции и прославленным меценатом:

Юность, юность, ты чудесна,
Хоть проходишь быстро путь.
Счастья хочешь – счастлив будь
Нынче, завтра – неизвестно.

Возможно, эти строки стали лейтмотивом и всего Серебряного века.

В нем было много театрального, много игры, и даже хулиганства, но одновременно много высокой драмы, «маленьких» и больших трагедий, и сознания того, что именно из трагедии и комедии, фарса, буффонады и состоит жизнь. Варьете «Бродячая собака», «мейерхольдовы арапчата» и танцы масок Анны Ахматовой⁶, мистические пьесы Блока, пронизанные метелями и звездным сиянием⁷, греческие, французские и итальянские трагедии Марины Цветаевой⁸, доисторическая драма Гумилева⁹ – все это попытки забыть, отвлечься «игрой в бисер». Или, наоборот, – единственный способ сохранить одновременно разум и любовь к жизни, когда эпоха на твоих глазах сходит с ума?

Все мы здесь в желаньи ласки
Славим Вакха и Любовь,
Славим песни, славим пляски!
Пусть бежит по жилам кровь,
Пусть живем мы в вечной сказке,
В этом нашей жизни суть.
Счастья хочешь – счастлив будь

⁶ Ахматова А. «Поэма без героя».

⁷ Блок А. «Король на площади», «Незнакомка», «Снежная маска», «Песнь судьбы», «Роза и крест».

⁸ Цветаева М. «Ариадна», «Федра», «Фортуна» (а графе де Лозене – единственной любви «величайшей наследницы в Европе» Анны Марии Луизы Орлеанской, герцогини Монпансье, двоюродной сестры короля Людовика XIV), «Феникс» (о Казанове).

⁹ Гумилев Н. «Охота на носорога».

Нынче, завтра – неизвестно¹⁰.

«Жили в неистовом напряжении, в вечном возбуждении, в обостренности, в лихорадке. Жили разом в нескольких планах. В конце концов, были сложнее запутаны в общую сеть любви и ненавистей, личных и литературных», – писал позднее Владислав Ходасевич.

И еще об одной особенности Серебряного века нельзя забывать. В греческих мифах Музы не только дарят вдохновение поэтам, они и сами поют торжественные гимны, прославляя богов и героев. Недаром «Илиада» начинается со слов Гомера, обращенных к Музе и призывающих именно ее воспеть величайшего из героев Трои.

В Серебряном веке Музы часто сами творцы. Шутливое утверждение Ахматовой, что она «научила женщин говорить», пусть останется на ее совести. Конечно, «дар речи» подарила женщинам не она, и никто всерьез не собирался заставить их замолчать. Наоборот, Серебряный век – это тот период, когда женщины могли работать не только в доме, или на фабрике, не только посудомойкой, прачкой или швеей, они могли использовать для заработка свой интеллект и образование, полученное на Высших женских курсах, а потом и в женских институтах. Они работали учительницами, переводчицами, стенографистками, телефонистками, акушерками, а позже – врачами и инженерами. Они становились актрисами и не только в любительских и домашних театрах, художницами, концертирующими пианистками, певицами. Конечно, такие женщины существовали и раньше, но в XX веке они перестали быть диковинкой. А работа – чем-то таким, чем приличная женщина может заняться только в крайне стесненных обстоятельствах. Женщины обрели голос не только в частном, но и в публичном пространстве, они обрели не только моральную, но и политическую силу, к ним было невозможно не прислушиваться. Теперь талантливый поэт мог получить от дамы сердца не только ленточку или цветок, но и сонет, а нерадивый любовник мог быть осмеян и прилюдно припечатан едкими ямбами или изысканным анапестом. И это делало любовные отношения по-настоящему сложными и захватывающими.

¹⁰ Отрывок из карнавальной песни Лоренцо Медичи Великолепного, поэта и правителя Флоренции, жил 43 года и умер почти 500 лет назад, переводчик – Валерий Брюсов.

Глава 1

В поисках вечной женственности

Бесплодные усилия любви

Августовским вечером 1898 года молодежь, живущая на подмосковной даче профессора Менделеева, в Боблове, решила устроить домашний спектакль. Как это водится, был избыток барышень, желавших играть, но недостаток мужчин. Поэтому решили пригласить хозяйского сына из соседнего Шахматова.

Семьи хорошо знали друг друга, но еще не собирались вместе, и молодежь впервые близко познакомилась. В начале июня 17-летний Саша Бекетов, как звали его в доме, приехал в имение Менделеева, чтобы представиться соседкам. Он произвел не слишком благоприятное впечатление на старшую дочь Менделеевых – 15-летнюю Любу. «Холодом овеваны светлые глаза с бледными ресницами, не оттененные слабо намеченными бровями», – позже напишет она в воспоминаниях. И не в мундире, значит, не гимназист, не студент, не лицеист, не кадет, не юнкер, не офицер. Так – ни то ни се, ни рыба ни мясо. Но участвовать в спектакле согласился, много говорил о театре и, очевидно, им увлекался.

Намерения у актеров из Боблово были весьма амбициозные, они выбрали для своей постановки не дешевый фарс, не легкий водевиль, а трагедию. И не просто трагедию, а Шекспира, и не просто Шекспира, а «Гамлета». Люба, конечно же, – Офелия, а Саша Бекетов – принц датский.

Формально, сцена между Гамлетом и Офелией, скорее о нелюбви, чем о любви, и уж точно о непонимании.

В первоисточнике шекспировской трагедии – «Саге о Гамлете» Саксона Грамматика принц Гамлет прикидывается сумасшедшим, чтобы обмануть бдительность убийцы отца и самому избежать смерти. Но сторонники короля готовы его разоблачить. Саксон Грамматик пишет: «Для разоблачения его хитрости, – говорили они, – ничего не может быть лучше, чем вывести ему навстречу в каком-либо укромном месте красивую женщину, которая воспламенит его сердце любовным желанием. Ибо естественная склонность к любви столь велика, что скрыть ее искусно невозможно; эта страсть слишком пылка, чтобы быть преодоленной хитростью. Поэтому, если тупость его притворна, он не упустит случай и тотчас уступит порыву страсти. И вот поручено было людям проводить юношу верхом на лошади в дальнюю часть леса и провести такого рода испытание».

И коварное испытание было устроено. Принца отвезли в лес, якобы на охоту, и «после этого они умышленно оставили его одного, чтобы он мог набраться большей храбрости для удовлетворения своей страсти. И вот он повстречался с женщиной, подосланной дядей и будто случайно оказавшейся на его пути в темном месте, и овладел бы ею, не подай ему безмолвно его молочный брат знака о ловушке... Встревоженный подозрением о засаде, он обхватил девушку

и отнес подальше к непроходимому болоту, где было безопаснее. Насладившись любовью, он стал просить ее весьма настойчиво никому не говорить об этом; и просьба о молчании была с такой же страстностью обещана, как и испрошена. Ибо в детстве у обоих были одни и те же попечители, и эта общность воспитания соединила тесной дружбой Гамлета и девушку. Когда он вернулся домой и все стали его с насмешкой спрашивать, преуспел ли он в любви, он заявил, что так оно и было. Когда его опять спросили, где это случилось и что служило ему подушкой, ответил: конские копытца и петушки гребешки служили ложем; ибо когда он шел на испытание, то, во избежание лжи, собрал листочки растений, носящих такое название. Ответ его присутствующие встретили громким смехом, хотя шуткой он ущерба истине ничуть не причинил. Девушка, тоже спрошенная об этом, ответила, что ничего подобного он не содеял. Отрицанию ее поверили и притом тем легче, чем меньше, как было очевидно, провожатые об этом знали»¹¹.

Шекспир писал трагедию 400 лет спустя, его Гамлет не ловкач, обдуривший всех и свершивший то, что ему предписано: месть за отца самым остроумным и изощренным путем. Его Гамлет любит Офелию, но именно любовь помогает «не уступать порывам страсти» и повторять: «Я вас не люблю». И та же любовь не позволяет ему совершить того, чего втайне желают оба, но позволяет обмануть Офелию, заставив ее в отчаянии твердить:

Какой погиб великий человек,
Надежда царства, честь его, утеха!
Погиб, погиб! И мне судьба велела,
Мне, пламенной любви его предмету,
Мне видеть обезумевшим его —
Что был он и что стал, о Боже!¹²

Она хотела спасти, исцелить безумного принца силой своей любви, не подозревая, что принц вовсе не безумен, а просто, говоря его словами, «из жалости... должен быть суровым».

Эта сцена предательства во имя любви, которое не спасло любимую, а в итоге свело с ума и погубило, и была той, что играли молодые люди в тот вечер в Баболово, когда впервые ощутили притяжение, нарастающее между ними.

«Мы были уже в костюмах Гамлета и Офелии, в гриме, – вспоминает Любовь Дмитриевна. – Я чувствовала себя смелее. Венок, сноп полевых цветов, распущенный напоказ всем плащ золотых волос, падающих ниже колен... Блок в черном берете, колете, со шпагой. Мы сидели за кулисами в полутайне, пока готовили сцену. Помост обрывался. Блок сидел на нем, как на скамье, у моих ног, потому что табурет мой стоял выше, на самом помосте. Мы говорили о чем-то более личном, чем всегда, а главное, жуткое – я не бежала, я смотрела в глаза, мы были вместе, мы были ближе, чем слова разговора».

¹¹ Теоретически Блок мог познакомиться с хроникой Саксона Грамматика – она была переведена на английский язык в 1894 году, за 4 года до постановки в Баболовском театре. Но, конечно, маловероятно, чтобы вчерашний гимназист стал разыскивать и читать на иностранном языке это издание.

¹² Неизвестно, каким именно из более чем десятка существовавших в конце XIX века переводов они воспользовались. При постановках в театре чаще всего был в ходу перевод Николая Полевого (1837), цитата из которого и приводится.

Сквозь волшебный лес

В тот вечер после спектакля они вдвоем, все еще в костюмах, идут из сенного сарая, где была устроена сцена, к дому через Церковный лес. «Лес этот – сказочный, в то время еще не тронутый топором. Вековые ели клонят шатрами седые ветви: длинные седые бороды мхов свисают до земли. Непролазные чащи можжевельника, бересклета, волчьих ягод, папоротника, местами земля покрыта ковром опавшей хвои, местами – заросли крупных и темнолистных, как нигде, ландышей. „Тропинка вьется, вот-вот потеряется...“, „Нет конца лесным тропинкам...“», – рассказывала Любовь Дмитриевна.

Волшебный лес – старый герой рыцарских романов и русских сказок, да и вообще сказок всех времен и народов. Этот образ обладает неодолимой притягательной мощью, которой охотно покоряется наше воображение. Он, безусловно, восходит к образу леса – потустороннего царства, царства мертвых, куда шаман уводит юношей, где он их убивает и откуда они возвращаются возрожденными в новом качестве – уже мужчинами, полноправными членами своего племени, которые могут брать себе жен. Отсюда все легенды о путешествии одинокого рыцаря через лес, о его встрече и единоборстве с чудовищем и внезапно обретенной невесте – заколдованной царевне. Ну и, наконец, лес ночью – это темное и таинственное место, с неизвестными запахами и звуками, вызывающее даже в цивилизованных людях, своеобразное возбуждение, «нестрашный страх», чувство, что сейчас можно и даже нужно переступить границу.

Впрочем, разумеется, Блоку и Любви Дмитриевне не пришлось пересекать глухую лесную чащу, чтобы попасть домой. И все же, несомненно, это волшебное путешествие.

«От „театра“ – сенного сарая – до дома, вниз под горку сквозь совсем молодой березничек, еле в рост человека. Августовская ночь черна в Московской губернии и „звезды были крупными необычно“. Как-то так вышло, что еще в костюмах (переодевались дома) мы ушли с Блоком вдвоем в кутерьме после спектакля и очутились вдвоем Офелией и Гамлетом в этой звездной ночи. Мы были еще в мире того разговора и было не страшно, когда прямо перед нами в широком небосводе медленно прочертил путь большой, сияющий голубизной метеор. „И вдруг звезда полночная упала“... Даже руки наши не встретились и смотрели мы прямо перед собой. И было нам шестнадцать и семнадцать лет».

На следующий день Блок пришлет Любе стихи: Воспоминания о «Гамлете» 1 августа в Боблове. Шахматово, 2 августа. Посв. Л.Д.М. с эпитафией: Тоску и грусть, страданье, самый ад – Все в красоту она преобразила. Офелия.

Я шел во тьме к заботам и веселью
Вверху сверкал незримый мир духÓв.
За думой вслед лилися трель за трелью
Напевы звонкие пернатых соловьев.
«Зачем дитя Ты?» – мысли повторяли.
«Зачем дитя»? – мне вторил соловей,
Когда в безмолвном, мрачном, темном зале
Предстала тень Офелии моей.
И, бедный Гамлет, я был очарован,
Я ждал желанный, сладостный ответ...
Ответ немел, и я в душе взволнован,
Спросил: «Офелия, честна ты или нет!?!?»
И вдруг звезда полночная упала,
И ум опять ужалила змея...
Я шел во тьме, и эхо повторяло:

«Зачем дитя Ты, дивная моя?!?!»

Казалось бы, после такого вечера, после таких стихов – что тут еще раздумывать? Они поженились на следующий день в маленькой темной деревенской церкви, на полпути между их усадьбами, жили долго и счастливо и умерли в один день в весьма преклонном возрасте, окруженные безутешными детьми, внуками и правнуками. Их похоронили в одной могиле, чтобы, восстав в день Страшного суда, они могли сразу кинуться друг другу в объятия. Когда бы так!

Ее корни

Боблово Менделеев приобрел в 1865 году, вскладчину, с профессором и директором Санкт-Петербургского Технологического института Николаем Павловичем Ильиным. При разделе Ильину достался парк и два флигеля, к которым он пристроил каменный дом, Менделеевым – старый особняк и фруктовый сад.

Дмитрию Ивановичу был в этот момент 31 год (сын директора Тобольской гимназии, перебравшийся из Сибири в Петербург и сделавший научную карьеру). В этой семье уважали сильных, независимых женщин. Мать Менделеева – Мария Дмитриевна, когда-то самостоятельно прошла курс гимназии по учебникам своего брата, потом, после того, как муж заболел, кормила семью, управляя небольшим стекольным заводом. Она родила 14 детей, но многие умерли во младенчестве. После смерти мужа ради образования сына перевезла младших детей из Сибири в столицу.

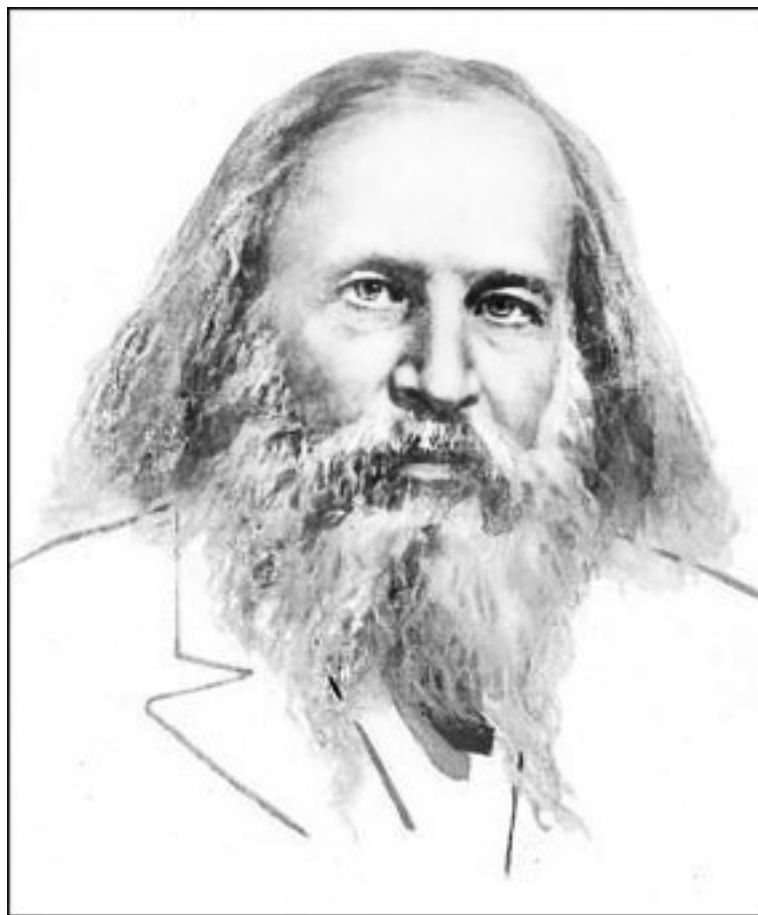
Мать Любви Дмитриевны – вторая жена Менделеева – Анна Ивановна Попова. Первый раз он женился в 28 лет на Феозве¹³ Никитичне Лещевой, которая была на восемь лет старше мужа. В семье родились дети: сын Владимир и дочь Ольга, для них и купили усадьбу в Боблово. Но в 1876 году 42-летний Дмитрий знакомится и страстно влюбляется в 17-летнюю Анну Ивановну Попову, знакомую его сестры.

Позже Дмитрий Иванович вспоминал: «Когда я впервые увидел ее, это было весной 1877-го года. К нам приехала погостить сестра Катенька вместе с детьми. В тот день я работал и поначалу не замечал шума в гостиной. Кто-то играл на рояле Бетховена... Играла 17-летняя подружка сестры – Аня Попова – русые косы до пят, румянец на щеках. Она была так непохожа на всех девушек, которых я встречал раньше. Приехала поступать в Академию художеств. За ужином мне стало так хорошо, так тепло рядом с ней, но нужно было готовиться к лекции, и я вновь остался один на один со своими рукописями и книгами».

Он хочет развестись, развод затягивается, Дмитрий Иванович в отчаянии, он задумывается о самоубийстве. В это трудное время ему сильно помог друг – профессор Андрей Николаевич Бекетов – тому удалось уговорить жену Менделеева на развод. 1 марта 1869 года сыграли новую свадьбу. В браке один за другим родилось четверо детей: Любовь (1881), Иван (1883) и в 1886 году – близнецы Мария и Василий. Люба родилась почти сразу же после того, как был оформлен развод и Дмитрий Иванович с Анной обвенчались, формально ее не могли признать законнорожденной. Поэтому «благодаря блестящему положению в обществе моего отца», как пишет сама Любовь Дмитриевна, дату ее рождения сдвинули в метрике на полгода вперед, с декабря – на июнь.

Анна Ивановна училась живописи в Риме, где и сделал ей предложение Менделеев, позже путешествовала вместе с ним по Италии, Франции, Испании, в Биарице, на берегу океана, где «во время прилива волны достигали нашего балкона». Она так и не стала известной художницей, но домашний театр стал ее любимым детищем, она была в нем не только декоратором, костюмером, гримером, но и режиссером, отдавала этой затее много сил. Может быть, потому, что семейная жизнь – увы! – не ладилась.

¹³ Редкое женское имя греческого происхождения, означающее «благочестивая».

Д.И. Менделеев

А.И. Попова

Анна давно ревновала Дмитрия Ивановича к первой жене, к ее детям. Именно по ее настоятельной просьбе Менделеев в начале 1880-х годов построил в Боблово новый дом по собственному проекту – ей казалось, что в старом доме слишком многое напоминает о его прежней хозяйке. А Дмитрий Иванович писал о первой жене: «Она любила меня всю жизнь и жертвовала собой всегда. Все как я хочу, все для меня. Я чувствовал себя виноватым. Но что делать? Я никогда не разделял ее чувств и долгие годы искал счастья в занятиях наукой. Если б не Феонова – я б не сделал открытий, принесших мне признание всего ученого мира». Дочь Ольга так и не смогла простить отца, Володя – первый и любимый сын, стал морским офицером и редко бывал у Менделеевых. Он умер в 33 года, это случилось в конце 1898 года, и Дмитрий Иванович чувствовал себя все более и более одиноким.

А впрочем, знавшие его близко люди вспоминали, что «Дмитрий Иванович так любил своих детей, что всякую небольшую услугу или заботу о них ставил очень высоко».

Анна Ивановна любила Боблово так, как может любить его только художник. В мемуарах она пишет: «В Бобловской местности есть что-то цельное, законченное, как в произведении талантливого художника; ничего не хотелось бы изменить, прибавить, убавить или переставить. Местность гористая – три больших горы: Бобловская, Спасская и Дорошевская. Между ними в долине извиляется река Лотосня с лугами и лесами. Плавная линия этих холмов с рекой, с широким горизонтом, дает какое-то былинное настроение. Усадьба наша стояла наверху Бобловской горы в парке. К ней подъезжали с одной стороны по вязовой аллее, а с другой – по березовой. Перед домом был цветник и фруктовый сад. Особенно хороша была сиреневая аллея с ронкилями, ирисами, нарциссами и красными и розовыми пионами... Я любила ходить по Бобловским окрестностям, и какие разнообразные были эти прогулки: то старый, старый лес Манулиха, то молодой Горшков, то поля, луга, река и мельница, за которой мы купались в

Лотосне. Лотосня неширокая река, но довольно глубокая, местами красиво поросшая водяными лилиями, кувшинками и незабудками. Дорога к реке шла березовой рощей, которой так любовался Архип Иванович Куинджи, когда был у нас в Боблове. И все-таки я не сразу узнала все уголки нашей местности. Только в последние годы, уже после кончины Дмитрия Ивановича, я сделала случайно археологическую находку. Верстах в семи от нас находилось Шахматово, именье А.Н. Бекетова, где он с женой, дочерьми и внуком Александром Блоком проводил лето. Мы друг у друга бывали. Дорога шла березовой рощей, через реку, мимо мельницы, церкви и деревни Тараканово. По ту сторону реки стояла другая церковь, окруженная рощей, мимо которой я столько раз ходила».

Находкой оказалась часовня допетровских времен, из нее Анна Ивановна передала «царские врата» в Петербургский музей прикладного искусства барона Штиглица. Позже поблизости от Боблово было найдено старое городище.

Анна Ивановна дружила с Куинджи, Крамским, Репиным и сумела передать дочери свою увлеченность искусством. А еще – желание быть не просто любимой женщиной, женой великого человека, а быть собой. Самой Анне Ивановне это не вполне удалось, и то, что она считала своим призванием, стало источником чувства вины, редко знакомого мужчинам. «Совсем я никогда не бросала живопись, – пишет она, – но могла работать только урывками, что я и делала, но всегда с таким чувством, как будто что-то от семьи краду, время, внимание». Когда Менделеев только познакомился с девушкой, он говорил себе, что хочет «стать для Ани ступенью, по которой она – юная художница – сможет подняться к настоящему искусству». Но женившись, сам того не желая, стал могильщиком ее таланта, ее амбиций. История стара как мир. Может быть, поэтому Анна и ревновала его? Он заставил ее пожертвовать мечтами, даже не заметив этого, сделал ее зависимой, а сам не принадлежал ей полностью.

Л.Д. Менделеева в юности

Несмотря на все семейные неурядицы, Люба выросла весьма уверенной в себе: «Я люблю себя, я себе нравлюсь, я верю своему уму и своему вкусу, – пишет она в мемуарах. – Только в своем обществе я нахожу собеседника, который с должным (с моей точки зрения) увлечением следует за мной по всем извивам, которые находит моя мысль, восхищается теми неожиданными, которые восхищают и меня, активную, находящую их. – И далее: Теперь только, встав смело на ноги, позволив себе и думать и чувствовать самостоятельно, я впервые вижу, как напрасно я смирила и умалила свою мысль перед миром идей Блока, перед его методами и его подходом к жизни. Иначе быть не могло, конечно! В огне его духа, осветившего мне все с такою несоизмеримой со мною силой, я потеряла самоуправление. Я верила в Блока и не верила в себя, потеряла себя. Это было малодушие, теперь я вижу. Теперь, когда я что-нибудь нахожу в своей душе, в своем уме, что мне нравится самой, я прежде всего горестно восклицаю: „Зачем не могу я отдать это Саше!“ Я нахожу в себе вещи, которые ему нравились бы, которые он хвалил бы, которые ему иногда могли бы служить опорой, так как в них есть твердость моего основного качества – неизбывный оптимизм. А оптимизм как раз то, чего так не хватало Блоку! Да, в жизни я, как могла, стремилась оптимизмом свои рассеивать мраки, которым с каким-то ожесточением так охотно он отдавался. Но если бы я больше верила в себя! Если бы я уже тогда начала культивировать свою мысль и находить в ней отчетливые формы, я могла бы отдавать ему не только отдохновительную свою веселость, но и противоядие против мрака мыслей, мрака, принимаемого им за долг перед собой, перед своим призванием поэта». Отчего же Блоку так не хватало оптимизма?

Его корни

Сашей Бекетовым звали юного Блока в семье Менделеевых потому, что он – внук Андрея Николаевича Бекетова, того самого друга Дмитрия Ивановича Менделеева, сыгравшего большую роль в его жизни. В семье профессора Бекетова родились четыре дочери. Одна из них – Мария Андреевна Бекетова, первый биограф Блока, пишет о своей матери: «Бабушка Александра Александровича была выдающаяся женщина. Своеобразная, жизненная, остроумная и веселая, она распространяла вокруг себя праздничную и ясную атмосферу. Способностями отличалась разносторонними и блестящими. Без всякой посторонней помощи выучилась говорить и писать по-французски, по-английски, по-немецки. Знала также итальянский и испанский языки. Страстно любила литературу, много читала, помнила наизусть массу стихов русских и иностранных поэтов и при первой возможности занялась переводами, вкладывая в это дело много увлечения и таланта. Ее переводы отличаются свежестью и разнообразием оборотов. Особенно удавались ей диалоги и юмористические сцены. Работоспособность ее была изумительна. Она работала чрезвычайно быстро и, даже не перечитав своей рукописи, написанной твердым и четким почерком, прямо из-под пера отправляла ее в типографию... Между прочим, она мастерски читала вслух, особенно комические вещи, и страстно любила театр. В молодости писала много стихов и слагала их с необычайной легкостью, но печатала только переводы».

Именно она сделала первый перевод на русский язык «Хижины дяди Тома» Гарриет Бичер-Стоу, переводила романы Элизабет Гаскелл и Джордж Элиот, Вальтера Скотта, Чарльза Диккенса, Виктора Гюго, Оноре де Бальзака, Оливера Голдсмита, Уильяма Теккерея, Лесажа, Брет Гарта, Ги де Мопассана, Гюстава Флобера, а также «В дебрях Африки» и «Мои чернокожие спутники и диковинные их рассказы» Генри Моргана Стэнли и «Путешествие вокруг света на корабле „Бигль“» Чарльза Дарвина, книги весьма значимые для своего времени. Трое из четырех ее дочерей, в том числе и мать Блока Александра Андреевна, также занимались переводом и писали стихи. Мать Блока, в частности, опубликовала несколько детских стихов и биографии Христофора Колумба и Авраама Линкольна.

А.Л. Блок

«В нашей семье наклонности и вкусы матери преобладали. Отец не передал склонности к естественным наукам ни одной из своих четырех дочерей. Все мы предпочитали искусство и литературу, но унаследовали от отца большую любовь к природе», – вспоминает Мария Бекетова. Блок также отмечает в автобиографии литературную одаренность всех женщин семейства Бекетовых, а еще, что «Бабушка моя скончалась ровно через три месяца после деда – 1 октября 1902 года».

Александра Андреевна Бекетова и студент-юрист Александр Львович Блок, из семьи петербургских немцев, познакомились на танцевальном вечере. Александр произвел на свою тезку большое впечатление: он – романтический красавец, «байронического склада». Свояченица, Мария Бекетова, описывает его: «...был он брюнет с серо-зелеными глазами и тонкими чертами лица; черные, сросшиеся брови, продолговатое, бледное лицо, необыкновенно яркие губы и тяжелый взгляд придавали его лицу мрачное выражение. Походка и все движения были резки и порывисты. Короткий смех и легкое заикание сообщали какой-то особый характер его странному, нервному облику. Так же, как и сын, он отличался большой физической силой и крепким здоровьем. Это был человек с большим и своеобразным отвлеченным умом и тонким литературными вкусами. Его любимцами были Гёте, Шекспир и Флобер. Из русских писателей он особенно любил Достоевского и Лермонтова. К „Демону“ у него было особенное отношение. Он исключительно ценил не только поэму Лермонтова, но и оперу Рубинштейна, которую знал наизусть и беспрестанно играл в собственном своем переложении». В семье ходила легенда,

что однажды Александр Львович встретился с Достоевским, и внешность юноши так поразила писателя, что тот собирался сделать его героем своего нового романа.

А.А. Бекетова

Блок вскоре познакомился с родителями Александры, ухаживал за ней очень настойчиво, и она, не успев даже окончить гимназию, уже стала его невестой, а 7 января 1879 года они обвенчались в университетской церкви. После свадьбы молодожены уехали в Варшаву, где Александр Львович получил место приват-доцента государственного права в университете.

Мария Бекетова пишет: «Жизнь сестры была тяжела. Любя ее страстно, муж в то же время жестоко ее мучил, но она никому не жаловалась. Кое-где по городу ходили слухи о странном поведении профессора Блока, но в нашей семье ничего не знали, так как по письмам сестры можно было думать, что она счастлива».

Их сын родился 16 (28) ноября 1880 года в Санкт-Петербурге, куда Блок приехал для защиты диссертации. Конечно же, его назвали Александром.

Александр Львович приезжал к жене и сыну, жившим в доме Бекетовых, но не сумел поладить с тестем и тещей, вернулся в Варшаву. Вскоре Александра Алексеевна написала мужу, что больше к нему не вернется. Это решение она приняла не без влияния отца, но, прежде всего, – ради сына.

Мальчик рос в «ректорском доме» на набережной Невы, рядом со зданием Двенадцати коллегий. Единственный ребенок, его обожали и всячески он нем заботились все женщины в семье. А дедушка-ректор носил его на руках по большому залу, готовясь к лекциям.

Блок вспоминает: «„Сочинять“ я стал чуть ли не с пяти лет. Гораздо позже мы с двоюродными и троюродными братьями основали журнал „Вестник“, в одном экземпляре; там я был редактором и деятельным сотрудником три года». Тетка сохранила для нас его самые первые детские стихи. Одно меланхолическое:

Жил на свете котик милый,
Постоянно был унылый, —
Отчего – никто не знал,
Котя это не сказал.

И одно лирическое:

Зая серый, зая милый,
Я тебя люблю.
Для тебя-то в огороде
Я капустку и коплю.

Интересно, вспомнил ли о нем Блок в 1903 году, когда сочинял одно из самых нежных и трогательных стихотворений:

...Хмурая, дождливая
Наступила осень,
Всю капустку сняли,
Нечего украсть.
Бедный зайчик прыгает
Возле мокрых сосен,
Страшно в лапы волку
Серому попасть...
Думает о лете,
Прижимает уши,
На небо косится —
Неба не видать...
Только б потеплее,
Только бы посуше...
Очень неприятно
По воде ступать!¹⁴

В коридорах Университета маленький Саша Блок однажды повстречался с Любой Менделеевой. Разумеется, эта встреча потом стала семейной легендой. Вот как рассказывает ее Анна Ивановна Менделеева: «Огромное здание университета, выходящее узким боком к набережной Невы и длинным фасадом на площадь (ныне – линия Проф. Менделеева) против Академии Наук, вмещало не только аудитории, лаборатории, актовый зал и церковь, но и квартиры профессоров и служащих с их семьями. Во дворе, налево от ворот, дом с квартирой ректора, дальше огромное мрачное здание странной неправильной формы, построенное еще шведами,

¹⁴ Отрывок из стихотворения А. Блока «Зайчик».

служившее при Бироне для „Jeux de pommes“¹⁵; дальше сад. Справа длинный, длинный сводчатый коридор главного здания. В будни коридор кипел жизнью. Непрерывно мелькали фигуры студентов, старых и молодых профессоров, деловито-степенных служителей; тут свой мир. В праздник все погружалось в тишину. В церковь посторонние входили с главного подъезда – с площади; со двора – только свои, жившие в университете. Там все знали друг друга. Вот идет маленький человек с огромными темными очками, утонувший в длинной шубе, с непомерным меховым воротником. Это „Кот-Мурлыка“, проф. Николай Петрович Вагнер. В кармане он всегда носит свою любимицу белую крысу, которая пользуется большой свободой – часто выползает из кармана на воздух, выставляя свою белую мордочку с розовыми ушками к великому удовольствию ребят, которых в коридоре бывало всегда множество. В толпе их выделяется фигурка в синем пальто белокурого мальчика с огромными светлыми глазами, с приподнятой верхней губкой. Он молча внимательно осмотрел крысу, также серьезно и внимательно перевел взгляд на стоящую рядом маленькую синеглазую розовую девочку в золотистом, плюшевом пальто и шапочке, из-под которой выбивались совсем золотые густые волосики. Девочка с растопыренными, как у куклы, ручками, в крошечных белых варежках, упивалась созерцанием крысы, высматривавшей из-под полы шубы профессора. Оба ребенка были со своими нянями, которые поздоровались и заставили сделать то же самое детей. Белая варежка мальчика потянулась к такой же варежке девочки. Это был маленький Саша Блок и его будущая жена Люба Менделеева».

Впервые чувство любви Блок испытал в 16 лет, когда познакомился на курорте с Ксенией Михайловной Садовской. Мария Андреевна вспоминает: «Все стихи, означенные буквами К. М. С., посвящаются этой первой любви. Это была высокая, статная, темноволосая дама с тонким профилем и великолепными синими глазами. Была она малороссиянка, и ее красота, щегольские туалеты и смелое, завлекательное кокетство сильно действовали на юношеское воображение. Она первая заговорила со скромным мальчиком, который не смел поднять на нее глаз, но сразу был охвачен любовью...»

Красавица всячески старалась завлечь неопытного мальчика, но он любил ее восторженной, идеальной любовью, испытывая все волнения первой страсти. Они виделись ежедневно. Встав рано, Блок бежал покупать ей розы, брать для нее билет на ванну. Они гуляли, катались на лодке. Все это длилось не больше месяца. Она уехала в Петербург, где они встретились снова после большого перерыва». Понятно, что ни матери, ни тетке не нравилась связь сына с «замужней, плохой, да еще и несвежей женщиной» (слова Марии Андреевны), но Блок и Ксения Михайловна продолжали встречаться в Петербурге. Их связь длилась два года. Потом расстались, но еще долгое время переписывались. Письма Блока Ксения Михайловна хранила до самой смерти. И не удивительно, ведь там есть такие слова: «Чем ближе я вижу тебя, Оксана, тем больше во мне пробуждается то чувство, которое объяснить одним словом нельзя! В нем есть и радость, и грусть, а больше всего горячей, искренней любви, и любовь эта не имеет границ и, мне кажется, никогда не кончится...». Она скончалась в Одессе в 1925 году.

¹⁵ Jeu de paume – от jeu «игра» + paume «ладонь» (*фр.*) – старинная игра с мячом, прообраз тенниса, в которой мяч перебивался через сетку или веревку ракетками.

К.М. Садовская

А у Александры Андреевны были свои поводы для тревожностей. О том, как трудно разводиться в 1880-е годы, мы хорошо знаем из романа Л. Толстого «Анна Каренина». Александр Львович, как и Каренин, грозил, что отнимет ребенка у жены. Тем не менее Александра Андреевна смогла пройти через всю процедуру церковного развода. Вскоре она снова вышла замуж – за поручика лейб-гвардии Гренадерского полка Франца Феликсовича Кублицкого-Пиоттух.

Девятилетний Александр поселился с матерью и отчимом на квартире в казармах Лейб-гренадерского полка, расположенных на окраине Петербурга тех лет, на берегу Большой Невки. Отчим, спокойный, немного флегматичный человек, к пасынку не испытывал особой любви, но и никак его не притеснял. Александр учился во Введенской гимназии, затем поступил на юридический факультет Петербургского университета. Через три года перевелся на славяно-русское отделение историко-филологического факультета, которое окончил в 1906 году. С матерью они по-прежнему оставались очень близки.

А. Блок в юности

Актриса Валентина Петровна Веригина, знавшая уже взрослого Блока, пишет в мемуарах: «Существует мнение, что у большинства выдающихся людей были незаурядные матери, это мнение лишний раз подтверждается примером Блока. Как-то Любовь Дмитриевна говорила мне: „Александра Андреевна и Александр Александрович до такой степени похожи друг на друга“. Мне самой всегда казалось, что многое в них было одинаковым: особая манера речи, их суждения об окружающем, отношение к различным явлениям жизни. Многие слишком серьезно, даже болезненно принималось обоими. У сына и у матери все чувства были чрезмерны – чрезмерной была у Александры Андреевны и любовь к сыну, однако, это нисколько не мешало ей быть справедливым судьей его стихов. Она умела тонко разбираться в творчестве Блока. Свои произведения он читал ей первой и очень считался ее мнением». И далее рассказывает, что один из образов – вольной степной кобылицы – в стихотворении «На поле Куликовом» навеяно сном Александры Андреевны: «Александра Андреевна мне сказала: „Саша описал мой сон. Я постоянно вижу во сне, что мчусь куда-то и не могу остановиться... Мимо меня все мелькает, ветер дует в лицо, а я лечу с мучительным чувством, знаю, что не будет покоя“».

В Шахматово маленький Блок бывал с детства, но с детьми соседа и близкого друга деда познакомился только в 1898 году. Почему? В семье мальчик считался «нервным», впечатлительным, его берегли, следили, чтобы он не перевозился. Хотя к нему приводили играть двоюродных братьев, и игры эти бывали порой довольно бурными, но вот с девочками Менделеевыми он так толком и не познакомился до того первого достопамятного спектакля.

Маски. Гамлет и Дон Жуан

Я – Гамлет. Холодеет кровь,
Когда плетет коварство сети,
И в сердце – первая любовь
Жива – к единственной на свете.
Тебя, Офелию мою,
Увел далёко жизни холод,
И гибну, принц, в родном краю,
Клинок отравленным заколот.

Эти строки Блок напишет в 1914 году. А летом 1896 года юный Саша Бекетов сам предложит Анне Ивановне играть сцены именно из этой трагедии Шекспира и скажет, что уже знает наизусть самый знаменитый монолог датского принца. Воображал ли он себя Гамлетом? Или чувствовал, что слова принца о «расстроенном веке», «павшей связи времен», «времени выбившемся из такта», «порванном потоке времени»¹⁶ – это не просто красивая метафора?

Театр он полюбил с первого, увиденного на детском утреннике спектакля. Между прочим, это была не детская сказка, как того следовало ожидать, а «Плоды просвещения» Толстого. Очень скоро Саша начинает играть в театр, причем выбирает для своей игры шекспировский сюжет. Анна Ивановна Менделеева вспоминала: «Он очень любил представления; знал уже Шекспира, к которому всегда имел особое влечение. Раз мать его попала на следующую сцену: Саша усадил свою маленькую кузину на шкаф, приставил к шкафу лестницу, а внизу на полу поставил младшего двоюродного братишку; они должны были изображать Ромео и Юлию; говорил за них он сам. Бедной Юлии было очень неловко на шкафу, но послушаться Сашу она не могла и послушно выполняла, что он ей приказывал. Освобождение явилось в лице матери Саши». Играет в театр Блок и летом, в Шахматово со своим кузеном.

Интересно, вспоминал ли он об этих спектаклях позже, когда читал «Годы учения Вильгельма Мейстера» Гёте, классический «роман-воспитание», главный герой которого с детства бредит театром? Вильгельм рассказывает о своем увлечении: «Занимательнее всего мне было изобретать и давать пищу своему воображению. В каждой пьесе меня интересовала какая-нибудь одна сцена, для которой я сразу же заказывал новые костюмы... Я дал волю своей фантазии, вечно что-то пробовал и готовил, без конца строил воздушные замки, не сознавая, что подрываю основу своего маленького предприятия». Обратил ли Блок внимание на эту цитату? Правда первая попытка Вильгельма поставить пьесу заканчивается почти катастрофой, тогда как дебют юного Блока был более удачным. Бекетова пишет: «Вышло очень хорошо. Зрители и родственники и смеялись, и одобряли».

Наверное, его завороченность театром была завороченностью миром одновременно идеальным, и предельно ремесленным, материальным, более материальным, чем мир чистых фантазий.

Достаточно протянуть через комнату веревку, повесить на нее простыню или легкое покрывало, взять в руки игрушку – и вот уже рыцарь Байярд отправляется сражаться с сарацинами. Достаточно нарисовать на большом листе бумаги греческий храм, завернуться в простыню, надеть на голову венки – и вот ты уже не ты, а греческий философ, и сам начинаешь

¹⁶ Варианты перевода одной из самых известных фраз Гамлета «The time is out of joint – O cursed spite, That ever I was born to set it right!» принадлежат Михаилу Воронченко (1828), Андрею Кронебергу (1844), Николаю Маклакову (1880), Алексею Месковскому (1889). У Полевого – «Событие вне всякого другого! Преступление проклятое! Зачем рожден я наказывать тебя!», что несколько сужает смысл этой фразы.

в это верить. (Первая пьеса, поставленная Блоком в Шахматово, – «Спор древнегреческих философов об изящном» Кузьмы Пруткова).

И вот теперь он очень хочет сыграть Гамлета, скорее даже – побыть Гамлетом, пусть хотя бы в двух сценах, прожить Гамлетом хотя бы полчаса. Почему?

В 1860 году Тургенев опубликовал статью «Гамлет и Дон Кихот», в которой писал, что «в наше время Гамлетов стало гораздо более, чем Дон-Кихотов; но и Дон-Кихоты не перевелись». Для него Гамлет – это анализ прежде всего и эгоизм, а потому безверье, в то время как Дон Кихот «проникнут весь преданностью к идеалу, для которого он готов подвергаться всевозможным лишениям, жертвовать жизнью; самую жизнь свою он ценит настолько, насколько она может служить средством к воплощению идеала». Гамлет – воплощение пессимизма, Дон Кихот – оптимизма.

Тургенев не жалеет для Гамлета черных красок, потому что хорошо знает, насколько этот образ привлекателен для молодых людей – черные колготы, черный плащ, шпага, шляпа с пером, череп в руке, циничные речи – типичный юноша в период подросткового кризиса и переосмысления ценностей, в почтении к которым учителя воспитывали его в течение всего детства. Не этим ли привлек Гамлет и Блок? Не хотелось ли ему в первую очередь услышать, как будут звучать со сцены произносимые им слова:

Что доблестнее для души: сносить
Удары оскорбительной судьбы,
Или вооружиться против моря зол
И побудить его, исчерпав разом?
Умереть – уснуть, не больше, и окончить сном
Страданья сердца, тысячи мучений —
Наследство тела: как не пожелать
Такого окончанья!..¹⁷

Блок, еще слишком молод, чтобы воплотиться в Дон Кихота, и этот образ никогда все-раз его не захватывал. Разве что в образе Бертрана, «рыцаря-несчастье» в одной из последних пьес Блока «Роза и крест» (1912 – февраль 1913 гг.) проглянет что-то от трагикомического Сирано де Бержерака из пьесы Ростана, и одновременно что-то дон-кихотовское, именно в том толковании, которое придавал этому образу Тургенев, – Дон Кихота как символа оптимизма, основанного на альтруизме. И Сирано, и Дон Кихот понимали ту «радость-страдание», которое постигал в последние минуты своей жизни Бертран, были сопричастны той особенной любви, которую воспевал апостол Павел. Любви, которая «долготерпит, милосердствует... не завидует... не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине, все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит».

А пока Блок с удовольствием играл в Боблово другого дона – Дон Жуана. В 1899 году вся Россия праздновала 100 лет со дня рождения Пушкина, и в Боблово решили поставить одну из «Маленьких трагедий», а именно «Каменного гостя». «Севильского озорника» играл Блок, донну Анну – разумеется, Любовь Дмитриевна.

Дон Жуан в классической опере Моцарта сладострастный насильник, находящий извращенное удовольствие в том, чтобы порочить чужих невест – получится, так соблазняя, а не получится – так и принуждая силой.

¹⁷ Перевод Н.А. Полевого.

Пушкинский Дон Жуан артист «разговорного жанра», недаром он так славно ладит с актрисой Лаурой. Артист-импровизатор¹⁸, который никого не принуждает, а лишь вовлекает в свою игру, но (по не сформулированным еще законам Станиславского) прежде он должен вовлечься и сам, до потери ощущения реальности, поверить «правде момента», быть уверенным, что именно эта женщина – единственная на свете, его идеальная и истинная любовь. Искусство оболыщания, которому он служит, говоря словами Пастернака, «не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». И одновременно Дон Жуан – поэт, ему под силу воссоздать образ прекрасной женщины по промелькнувшей между складками одежды узкой пятке. И Лепорелло не льстит своему господину, говоря:

Довольно с вас. У вас воображенье
В минуту дорисует остальное;
Оно у нас проворней живописца,
Вам все равно, с чего бы ни начать,
С бровей ли, с ног ли.

Когда же произойдет чудо, и воображаемая идеальная женщина совпадает с реальной донной Анной, настанет время Дон Жуану навсегда остаться в своей роли и погибнуть в ней. Потому что, говоря словами того же Пастернака:

Когда строку диктует чувство,
Оно на сцену шлет раба,
И тут кончается искусство,
И дышат почва и судьба.

А летний спектакль в Боблово удался. И даже досадные накладки очень повеселили и актеров, и зрителей. Советский литературовед Мария Александровна Рыбникова записала рассказ участниц этих спектаклей Серафимы Дмитриевны и Лидии Дмитриевны Менделеевых (внучатых племянниц Д.И. Менделеева): «Командора играл один из крестьянских подростков, и его появление, переодетого и напудренного, в самом драматическом финале этой маленькой пушкинской трагедии вызвало ремарку из публики: „Вишь, Ваньку-то мукой намазали“. Взрыв хохота, Донна Анна лежит в обмороке, потрясаемая смехом, и бедный Дон-Гуан не знает, что ему делать: смеяться ли вместе со всеми или трагически умирать на подмостках».

Присутствует ли образ Дон Жуана в поэзии Блока? Разумеется. Это знаменитые «Шаги Командора», написанные в 1910 году:

Тяжкий, плотный занавес у входа,
За ночным окном – туман.
Что теперь твоя постылая свобода,
Страх познавший Дон-Жуан?
<...>
В час рассвета холодно и странно,
В час рассвета – ночь мутна.
Дева Света! Где ты, донна Анна?
Анна! Анна! – Тишина.

¹⁸ С чего начну? «Осмелюсь...» или нет: «Сеньора...» ба! что в голову придет, То и скажу, без предуготовленья, Импровизатором любовной песни... *Пушкин А.С.* «Каменный гость».

Еще в Боблово ставили знаменитую «сцену у фонтана» из «Бориса Годунова», причем на сцене бил настоящий фонтан. Играли «Горе от ума», «Горящие письма» Гнедича и чеховское «Предложение», репетировали «Снегурочку» Островского (Блок – в роли Мизгиря, Любовь Дмитриевна – Снегурочка), водевили и фантастическую пьесу собственного сочинения «Оканея» о любви принцессы Венеры к далекой планете – Земле. Домашние спектакли приносили всем много радости, участники спектаклей по-настоящему сдружились.

В романе Гёте Вильгельм Мейстер и его друзья-актеры ставят «Гамлета», и здесь заканчиваются годы его учения и начинаются «Годы странствий», когда он будет искать свое место в мире, узнает себе цену, уже без снисхождения к юности и неопытности. Это же испытание предстоит Блоку и Любви Дмитриевне.

Стихи о Прекрасной Даме

В автобиографии Блок пишет: «Серьезное писание начиналось, когда мне было около 18 лет. Года три-четыре я показывал свои писания только матери и тетке. Все это были – лирические стихи, ко времени выхода первой моей книги «Стихов о Прекрасной Даме» их накопилось до 800, не считая отроческих. В книгу из них вошло лишь около 100. После я печатал и до сих пор печатаю кое-что из старого в журналах и газетах». Большинство его ранних стихов при жизни не было опубликовано. Так, стихотворение «Я шел во тьме к заботам и веселью...» впервые напечатали в ноябре 1921 года, уже после смерти Блока.

Любовь Дмитриевна поступает на драматические курсы, на которых учится в течение года. Сразу несколько стихотворений из первого изданного сборника «Стихи о Прекрасной Даме» (вышел в 1904 г.) связаны с одним и тем же сюжетом – герой ждет героиню, и когда она наконец выходит к нему, в нем совершается внутреннее преображение, говоря словами Данте, «начинается Новая жизнь».

Я долго ждал – ты вышла поздно,
Но в ожиданьи ожил дух,
Ложился сумрак, но бесслезно
Я напрягал и взор, и слух.
Когда же первый вспыхнул пламень,
И слово к небу понеслось, —
Разбился лед, последний камень
Упал, – и сердце занялось.
Ты в белой вьюге, в снежном стоне
Опять волшебницей всплыла,
И в вечном свете, в вечном звоне
Церквей смешались купола.

«В буквальном смысле» это Блок ждет, когда Любовь Дмитриевна выйдет с курсов, в смысле «романтическом» – рыцарь ждет появления прекрасной дамы на балконе, в смысле «мистическом» – верующий ждет откровения, «рыцарь бедный» ждет «виденья, непостижного уму» – явления Пречистой Девы. Так же, как в поэзии Данте, реальная флорентийская девушка – дочь банкира Беатриче Портинари превращается... в мистическую цифру 9, показывающую, что «при ее зачатии все девять небес находились в совершеннейшей взаимной связи» и что она сама является «утроенной Троицей»¹⁹. По свидетельству Марии Бекетовой: «В последние годы своей жизни Александр Александрович собирался издать книгу «Стихов о Прекрасной Даме» по образцу дантовской *Vita Nuova*²⁰, где каждому стихотворению предшествует примечание вроде следующего: „Сегодня я встретил свою донну и написал такое-то стихотворение“. С подобными комментариями хотел издать свою книгу и Блок». Блок писал Белому, что в облике Беатриче Данте читил все ту же Вечную Женственность.

Для Любви Дмитриевны все это лишь игра, но и эта игра скоро начинает тяготить ее. Она еще согласна побыть Прекрасной Дамой, но воплощать в себе Богородицу, или Софию,

¹⁹ «...число это было ею самой; я говорю о сходстве по аналогии и так понимаю. Число „три“ является корнем девяти, так как без помощи иного числа оно производит девять; ибо очевидно, что трижды три – девять. Таким образом, если три способно творить девять, а Творец чудес в Самом Себе – Троица, то есть Отец, Сын и Дух Святой – три в одном, то следует заключить, что эту даму сопровождало число „девять“, дабы все уразумели, что она сама – девять, то есть чудо, и что корень этого чуда – единственно чудотворная Троица». Данте Алигьери. «Новая жизнь».

²⁰ Новая жизнь (*итал.*).

Премудрость Божью, или иное мистическое видение – это уже слишком. Когда весь образованный Петербург читает:

Вхожу я в темные храмы,
Совершаю бедный обряд.
Там жду я Прекрасной Дамы
В мерцаньи красных лампад.
В тени у высокой колонны
Дрожу от скрипа дверей.
А в лицо мне глядит, озаренный,
Только образ, лишь сон о Ней.
О, я привык к этим ризам
Величавой Вечной Жены!
Высоко бегут по карнизам
Улыбки, сказки и сны.
О, Святая, как ласковы свечи,
Как отрадны Твои черты!
Мне не слышны ни вздохи, ни речи,
Но я верю: Милая – Ты.

и знает, что эта «Величавая Вечная Жена» – хорошенькая дочь профессора Менделеева, начинающая актриса, это и смешно, и странно тоже. И Любовь Дмитриевна, вероятно, спрашивала себя, а где здесь она сама, не потеряет ли она себя, утонув в потоке символов, как Офелия в реке.

Она ждала от своего возлюбленного более внятных доказательств любви, хотела знать, что он любит именно ее, а не образ, созданный его фантазией. «Понемногу я вошла в этот мир, где не то я, не то не я, но где все певуче, все недосказано, где эти прекрасные стихи так или иначе все же идут от меня. Это обиняками, недосказанностями, окольными путями Блок дал мне понять. Я отдалась странной прелести наших отношений. Как будто и любовь, но, в сущности, одни литературные разговоры, стихи, уход от жизни в другую жизнь, в трепет идей, в запевающие образы. Часто, что было в разговорах, в словах, сказанных мне, я находила потом в стихах. И все же порою с горькой усмешкой бросала я мою красную вербену, увядшую, пролившую свой тонкий аромат, так же напрасно, как и этот благоуханный летний день. Никогда не попросил он у меня мою вербену, и никогда не заблудились мы в цветущих кустах...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.